

Деятельность военного министра России генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли по созданию резервов для полевой действующей армии перед Отечественной войной 1812 года

Третий по счету военный министр России принял от своего предшественника генерала от артиллерии А. А. Аракчеева около 610 тыс. войск. Михаил Богданович Барклай де Толли в вопросе увеличения численности вооруженных (сухопутных) сил российского государства встретил полное взаимопонимание со стороны императора Александра I. Результаты мобилизационной работы за самый короткий временной срок Военного министерства были налицо.

По состоянию на 1 января 1812 г. русская армия насчитывала в своих полевых действующих войсках: пехоты — 201 200 человек (215 батальонов), регулярной кавалерии — 41 685 человек (41 полк), артиллерии — 36 500 человек. Все эти войска распределялись по четырнадцати инспекциямⁱ.

К началу 1812 г. на западных границах России находилась одна полевая действующая армия, организационно состоявшая из трех корпусов: генералов П. Х. Витгенштейна, П. К. Эссена и Д. С. Дохтурова. Общая их численность составляла всего 100 тыс. человек. После назначения военным министром, М. Б. Барклай де Толли стал деятельно наращивать армейскую группировку на западной государственной границе. Получив полное одобрение монарха, Военное министерство перебрасывает туда в начале года три дивизии из состава Дунайской армии, две — из Оренбурга и Сибири и одну — из Финляндии.

Благодаря большим усилиям военного ведомства, в 1812 г. численность сухопутных сил Российской империи была доведена до 975 тыс. человек, в том числе в полевой действующей армии — 815 тыс., гарнизонных войск — 60 тыс. и иррегулярных — около 100 тыс. человекⁱⁱ.

Подготовка к войне с наполеоновской армией началась с рекогносцировки пограничной полосы офицерами квартирмейстерской части. В 1810 г. «обозрение» западной государственной границы России было произведено в больших размерах. Одновременно производились картографические съемки местности.

Генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли пекся и о безопасности российской государственной границы. В канцелярии Военного министерства образовалось целое дело, посвященное «устроению» на западной границе пограничной стражиⁱⁱⁱ.

Военное министерство руководило формированием новых воинских соединений полевой действующей армии. В 1811г. из части рекрутских депо были сформированы 1-й и 2-й резервные корпуса, а в марте следующего года из остальных рекрутских депо сформировали еще 10 пехотных и 4 кавалерийские дивизии, 7 пеших и 7 конно-артиллерийских рот^{iv}. Эти войска были отмобилизованы, обмундированы и вооружены. Шло их интенсивное боевое обучение и «сколачивание» в боеспособные воинские коллективы.

Еще раньше «обращения» рекрутских депо на усиление полевой армии были употреблены гарнизонные батальоны. Они являлись главной составной частью подготовленных армейских резервов, в которые, кроме них, входили губернские роты и штатные воинские команды, служащие инвалиды.

16 января 1811 г. по представлению военного министра император Александр I подписал высочайший указ о передаче губернских рот и местных штатных воинских команд армейскому командованию с целью приведения их в «лучшее устройство»^v. Такое «дело» Барклай де Толли вызвало неудовольствие губернаторов, которые часто использовали подчиненных им солдат как даровую рабочую силу на собственные нужды.

В императорском указе, в основу которого легло представление главы Военного министерства, среди прочего говорилось:

«Постановка начала, на коих должно быть основано отдаление от пехотных полков запасных батальонов, и в самом последствии сего устройство обретая способы усилить армию, не прибегая к обыкновенным средствам, важным количеством нового войска приблизить запасные батальоны к базису военных действий и положить основание воинской внутренней страже для приведения сего в действие Я нахожу нужным:

1. Определить то место, на котором запасные батальоны пехотных полков должны

быть расположены...

2. Гарнизонные батальоны, занимающие ныне те места, на кои имеют поступить запасные, равно как и гарнизоны внутренние, обратить на составление пехотных армейских полков...»^{vi}

В 1811 г. из 52 гарнизонных батальонов было взято по три роты из каждого, укомплектованные наиболее физически крепким личным составом, которые пошли на формирование новых пехотных полков. Таким образом из 156 рот было сформировано 39 батальонов, или 13 армейских пехотных полков. Их создание было осуществлено на основании высочайшего указа «О формировании из гарнизонных батальонов 13 пехотных и егерских полков».

Четвертые роты этих батальонов вместе с так называемыми губернскими ротами образовали внутренние полубатальоны двух ротного состава. Затем их в том же 1811 г. переформировали в трехротные, и они стали называться внутренними губернскими батальонами.

По этому поводу в представлении военного министра, поданного на рассмотрение императору Александру I, говорилось:

«Последствие сего устройства, коих пользу, при самом предположении его, предвидеть уже можно будет, следующее:

1-е. Действующая армия, без набора рекрутов, усилится;

2-е. Внутренние губернии вместо ныне существующих губернских рот приобретут на охранение их порядка в лучшем виде устроенного войска 17-ти тысяч человек;

3-е. Действующая армия, не имея более нужды определять отряды для посылки в губернии за рекрутами, коих доставление отправляться будет внутренними полубатальонами, сохранит во всей целостности ту важную часть силы, которая на сие употребление доселе расточалась»^{vii}.

В июле 1811 г. высочайшим указом из внутренних губернских батальонов была образована внутренняя стража, которая подчинялась особому инспектору внутренней стражи и разделялась на восемь округов. Ими командовали окружные генералы с место-прибытием в городах Новгороде, Твери, Калуге, Орле, Курске, Екатеринославе, Ярославле и Воронеже. Округа делились на бригады, которые состояли из губернских батальонов. Часть гарнизонных полков и батальонов оставалась в подчинении военных губернаторов.

Вводится должность инспектора внутренней стражи (он же являлся помощником военного министра), на которую был назначен граф В. Ф. Комаровский. О деятельности окружных генералов внутренней стражи он обязывался «доносить» главе военного ведомства.

Формированием внутренней стражи занималось Военное министерство. Благодаря его стараниям, действующая полевая армия в случае необходимости могла получить подготовленные резервные войска. По настоянию военного министра внутренние губернские батальоны (на октябрь 1811 г. их насчитывалось 43 и три полубатальона, включавшие в себя 128 рот и 425 команд, всего почти 37 тыс. человек) выводились из подчинения командиров армейских дивизий^{viii}.

Барклаю де Толли приходилось использовать любые источники пополнения действующей полевой армии. Он обратил внимание на роты и команды военных инвалидов. Военные инвалиды разделялись на три категории: подвижные, служащие и неспособные. Из служащих инвалидов в уездных городах были сформированы команды в составе двух обер-офицеров, пяти унтер-офицеров, 40 рядовых и одного барабанщика. Эти команды пошли на усиление гарнизонных войск. Инвалидные роты (всего их было 87) в своем большинстве пошли на доукомплектование губернских гарнизонных батальонов^{ix}.

Военный министр решал и такие вопросы, как организация охраны государственных военных предприятий. По его представлениям роты военных инвалидов были поставлены на охрану Сестрорецкого, Ижевского и Тульского оружейных заводов, Павловской казенной суконной фабрики, Екатеринославской и Александровской мануфактур, Московского Кремля (в нем имелось 46 сторожевых постов, для которых требовалось 136 военнослужащих) и т. д. Так, рота военных инвалидов на Ижевском оружейном заводе предназначалась «как для караулов, так и для надзора за мастерами»^x.

В основу идеи военного министра генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли о

создании подготовленного армейского резерва в виде гарнизонных войск (батальонов и полубатальонов) и команд военных инвалидов был положен следующий принцип. В каждом губернском городе должен был быть размещен гарнизонный батальон, в каждом уездном городе — инвалидная команда. Такая система была высочайше утверждена, отработана и существовала не одно десятилетие.

Все же главным источником пополнения русской полевой армии и наращивания ее численности перед Отечественной войной 1812 года были не уже подготовленные резервы, а рекрутские наборы, в том числе и военного времени. В основе их проведения лежала рекрутская повинность, разработанная и законодательно утвержденная при государе Петре I в самом начале XVIII столетия.

Проведение рекрутских наборов было непосредственной обязанностью Военного министерства и его главы генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, а на местах — генерал-губернаторов. Уже 31 января 1811 г. он дал следующее распоряжение управляющему квартирмейстерской частью генерал-адъютанту князю М. П. Волконскому:

«Квартир под рекрутские депо назначить столько, чтобы могло располагаться до четырех тысяч рекрут с конвойными» и перевести некоторые депо на новые места^{xi}.

Проведение каждого рекрутского набора было делом большой государственной важности. В военном ведомстве на такой случай создавалась секретная карта с расположением запасных батальонов, рекрутских депо и запасных рекрутских депо 1-й и 2-й линий. Проводились необходимые расчеты потребностей действующей армии в новобранцах и распределение числа рекрут по губерниям. Раскладка числа рекрутов по уездам возлагалась на Генерал-губернаторов и их аппарат чиновников. Заранее разрабатывались маршруты движения рекрутских команд, утверждался порядок обеспечения их продовольствием и гужевым транспортом.

С созданием внутренней стражи и согласно Положению о ней, «принятие и сопровождение рекрут» было возложено на нее, а не на специально создаваемые воинские команды в армейских полках, артиллерийских бригадах, отдельных батальонах, батареях и т. д.

Рекрутские наборы при всей своей целесообразности и организованности со стороны Военного министерства тяжелым бременем ложились на крестьянские общины, семьи новобранцев и вызывали недовольство самих дворян-помещиков. Виной всему был 25-летний срок действительной военной службы, в силу которого рекрут не часто возвращался в родительский дом, в родную деревню.

«Необходимый набор рекрут, — признавал император Александр I, — постоянно вызывал ропот и неудовольствие со стороны владельцев этих людей (речь идет о крепостных крестьянах. — *А. Ш.*)... Когда исход войны не был благоприятен для государства (имеется ввиду начальный период Отечественной войны 1812 года. — *А. Ш.*), то подымались клики против правительства, что оно могло бы избежать войны, что война велась дурно, выбор генералов был плохой и т. д.»^{xii}

Россия, готовясь к войне с наполеоновской Францией, в 1811 г. провела только один рекрутский набор — сентябрьский. Он производился из расчета четыре рекрута на 500 душ мужского пола.

В военном 1812 году было произведено три рекрутских набора. Первые два из них производились из расчета по два рекрута и один — по восемь рекрутов на 500 душ мужского пола^{xiii}. Иначе говоря, за один год на действительную военную службу (в сухопутную армию) было призвано более двух процентов дееспособного мужского населения российских деревень. Это не считая крестьян, ставших ратниками государственного ополчения.

Проведение предвоенных рекрутских наборов имело целью формирование новых армейских полков и дивизий. Так, рекруты апрельского набора 1812 г. (по два новобранца с 500 мужских душ) направлялись в заранее назначенные губернские города Ярославль, Кострома, Владимир, Рязань, Тамбов и Воронеж. В каждом из них формировалось по два пехотных полка. Из всех 12 полков (23888 рекрутов) были созданы две дивизии^{xiv}. До начала войны они успели влиться в состав полевой действующей армии.

В высочайшем императорском манифесте от 23 марта 1812 г. по поводу подготовки государства к войне с наполеоновской Францией (объясняя причины проведения внеочередных рекрутских наборов) говорилось:

«Настоящее состояние дел в Европе требует решительных и твердых мер, неусыпного бодрствования и сильного ополчения, которое могло бы верным и надежным образом оградить великую Империю Нашу от всех могущих против нее быть неприязненных покушений. Издавна сильный и храбрый народ российский любил со всеми окрестными народами пребывать в мире и тишине, соблюдая свой и других покой...»^{xv}

В высочайшем манифесте определялись правила проведения предвоенного рекруткою набора. Так, в нем предписывалось содержать набранных рекрутов в губернских городах при гарнизонных полках и внутренних батальонах.

В тот же день, 23 марта 1812 г., были изданы подготовленные в Военном министерстве и утвержденные государем правила для набора рекрутов. Прием их от местных властей возлагался на командиров губернских гарнизонных батальонов, т. е. на войска внутренней стражи. При гарнизонных батальонах новобранцы в обязательном порядке проходили первоначальное воинское обучение.

По предложению главы военного ведомства при батальонах внутренней стражи, расквартированных в губернских столицах, были образованы рекрутские депо 2-й линии.

Высочайше утверждаются новые правила рекрутских наборов. Они были разработаны в Военном министерстве при непосредственном участии главного заинтересованного лица — министра М. Б. Барклая де Толли. В них, в частности, предусматривалось следующее:

«Штаб-офицеров от полевых полков для приема рекрут не посылать, членами же рекрутского присутствия и вместе воинскими приемщиками ставить командиров губернских гарнизонных батальонов и наряжать по одному штаб-офицеру или старшему офицеру из батальона. А где есть гарнизонные полки, там наряжать по два штаб-офицера от оных, сверх того окружные генералы и бригадные командиры внутренней стражи в местах своего пребывания также должны быть членами рекрутских присутствий»^{xvi}.

Русская полевая действующая армия в самом начале 1812 г. была доведена до 480 тыс. человек при 1600 орудиях, не считая гарнизонных и учебных (рекрутских) войск. Но большая часть их на начало года не могла, в случае состояния войны с наполеоновской Францией, оказаться на театре военных действий по следующим объективным причинам:

— более 80 тыс. полевых войск находилось в составе Дунайской армии (на территории княжеств Валахии и Молдовы) генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова и участвовало в еще не закончившейся русско-турецкой войне 1806—1812 гг.;

*в Крыму и Новороссии под командованием генерала герцога Ришелье находилось 20 тыс. полевых войск, которые были расквартированы там на случай возможного турецкого десанта, поскольку в Стамбуле продолжали открыто заявлять о своих исторических правах на Крымский полуостров и Северное Причерноморье;

*на Кавказской пограничной укрепленной линии (от устья Кубани до устья Терека) находилось 10 тыс. войск под командованием генерала Ртищева; эти войска (немногочисленные для выполнения возложенных на них задач) были «связаны» постоянными набегами «немирных» горцев, прежде всего Чечни и Черкесии, на Кавказскую линию;

*в Грузии, на линии государственной границы с Турцией, Эриванским ханством (части шахской Персии) и в закавказских гарнизонах стояло 24 тыс. русских войск под командованием генерала маркиза Паулучи (Паулуччи);

*в Финляндии для прикрытия российской столицы от «традиционного» противника в лице Швеции находился 30-тысячный корпус под командованием генерала Штейнгеля;

*в Москве на начальной стадии формирования находилась 27-я пехотная дивизия генерала Неверовского (8 тыс. человек), организуемая за счет гарнизонных батальонов и вошедшая в состав действующей армии только перед самым началом войны;

*кроме того, 12 тыс. обученных рекрутов еще не было введено в состав армейских дивизий и 80 тыс. человек находилось в составе запасных батальонов и эскадронов полевой армии.

Таким образом, в начале 1812 г. из 480-тысячной русской полевой армии на театр военных действий с началом вооруженной борьбы с наполеоновской армией не могло быть задействовано 264 тыс. человек^{xvii}. В марте 1812 г. Россия могла выставить против Франции и ее 600-тысячной Великой армии всего 218—220 тыс. полевых войск. Из них в марте 1812 г. по высочайшему повелению Военным министерством были сформированы три Западные армии — 1-я, 2-я и 3-я, вставшие накрытие западной государственной

границы^{xviii}.

Главными из них и наиболее сильными по составу были первые две. 1-я Западная армия состояла из шести пехотных и двух кавалерийских корпусов общей численностью в 127 тыс. человек. Она располагалась между Россиенами и Лидой на фронте в 180 км. 2-я Западная армия состояла из двух пехотных и одного кавалерийского корпусов численностью в 45—48 тыс. человек. Она занимала промежуток длиной в 50 км между реками Неман и Западный Буг. Между этими двумя русскими армиями существовал разрыв в 100 км. 3-я Западная армия генерала Торماسова располагалась на Волыни и была отделена от 2-й заболоченными лесами Полесья.

Заботы и труды военного министра России генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли и главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова о создании стратегических людских резервов в 1812 г. смогли решить эту государственную проблему. За один год три рекрутских набора дали для действующей полевой армии 1 млн 227 тыс. рекрутов. Одновременно было набрано около 200 тыс. ополченцев^{xix}.

Благодаря усилиям российского Военного министерства и его главы генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, русская полевая действующая армия в марте 1812 г. стала внушительной силой.

Пехота (инфантерия) состояла из:

- *6 гвардейских полков — 13 000 человек;
- *14 гренадерских полков — 37 000 человек;
- *96 пехотных полков — 226 000 человек;
- *50 егерских полков (легкой пехоты) — 75 000 человек;
- *4 морских полка (морской пехоты) — 10 000 человек;
- *пионеров (саперов) — 4 000 человек.

Всего пехота полевой действующей армии насчитывала в своих рядах 365 тыс. человек.

Кавалерия включала:

- *6 гвардейских полков — 5500 человек;
- *8 кирасирских полков — 7500 человек;
- *36 драгунских полков — 34500 человек;
- *5 уланских полков — 8500 человек;
- *11 гусарских полков — 20000 человек.

Всего армейская кавалерия насчитывала 76 тыс. человек. В это число не входила более многочисленная иррегулярная легкая конница — казачья и национальных формирований (башкирских, калмыцких, тептярей и др.).

Часть казачества не могла быть задействована в Отечественной войне 1812 года, поскольку стояла на пограничных укрепленных линиях — Кавказской, Оренбургской, Сибирских. Это относилось к следующим казачьим войскам — Кавказскому линейному (расположенному на Северном Кавказе по правому берегу реки Кубань и левому берегу реки Терек), большей части Уральского и Оренбургского, сибирским казакам.

Артиллерия:

- *5 гвардейских артиллерийских рот — 60 полевых орудий;
- *в полевых батарейных ротах — 648 орудий;
- *в полевых легких артиллерийских ротах — 648 орудий;
- *в конно-артиллерийских ротах — 264 орудия.

Всего численный состав армейской артиллерии насчитывал 40 тыс. человек. Численность полевой артиллерии русской армии составляла 1620 орудий различных систем и калибров^{xx}.

Пехотные полки состояли из трех батальонов (один считался запасным и в поход не выступал, оставаясь в месте расквартирования полка). Каждый пехотный батальон состоял из четырех рот. Из запасных батальонов на войну отправлялись только их гренадерские роты, объединенные в сводные гренадерские батальоны.

Кавалерийские полки подразделялись на кирасирские и драгунские (по 5 эскадронов в каждом; один был запасной), легкие уланские и гусарские (по 10 эскадронов, в том числе два запасных). Численность эскадронов в этих кавалерийских полках была различной.

Артиллерийские роты (или батареи) всех видов состояли из 12 орудийных расчетов.

Организационно два полка составляли бригаду. Пехотная дивизия включала три

бригады — две линейные и одну егерскую (такая штатная структура была введена в 1806 г.). Образованные в 1810г. пехотные корпуса состояли из двух или трех дивизий (вместе с номерными артиллерийскими бригадами) и приданной корпусной кавалерии. Были образованы резервные кавалерийские корпуса.

Наращивание численности русской полевой действующей армии началось весной 1812г. На сей счет военный министр М. Б. Барклай де Толли сделал в апреле месяце соответствующее представление императору Александру I. Результатом докладной записки стало высочайшее повеление генералу от инфантерии князю Д. И. Лобанову-Ростовскому сформировать из рекрутов, находившихся при гарнизонных батальонах, две пехотные дивизии 6-полкового состава каждая. Два из шести полков дивизии были егерскими.

Командирами формируемых дивизий были назначены окружные генералы внутренней стражи генерал-майор князь Н. Ю. Урусов (7-й округ) и генерал-майор В. Я. Русанов (8-й округ). В кадровый состав полевой действующей армии высочайшим приказом были переведены командиры бригад внутренней стражи полковники Водопьянов, Клейгильс, Марин и командир Вятского губернского батальона полковник Г. Бистрем. Это свидетельствовало о том, что Военное министерство не могло обеспечить новые армейские формирования достаточным числом командного офицерского состава за счет полевых войск.

Согласно представлению Военного министерства, полки двух новых армейских пехотных дивизий формировались в городах Костроме, Владимире, Ярославле, Рязани, Тамбове и Воронеже. В этих губернских столицах к апрелю 1812г. было собрано значительное число новобранцев последнего рекрутского набора.

В каждый из вновь формируемых армейских пехотных или егерских полков направлялись офицеры и нижние чины из губернских гарнизонных батальонов внутренней стражи. Например, из Владимирского губернского батальона на службу в полевой действующей армии было выделено 2 штаб-офицера, 9 обер-офицеров, 1 унтер-офицер, 2 музыканта, 36 рядовых^{xxi}. Выделение людей не было одноразовым явлением, а регламентировалось все новыми приказами.

Основой для формируемых генералом от инфантерии Лобановым-Ростовским 12 пехотных и егерских полков стали, не считая рекрутов, офицеры и нижние чины губернских гарнизонных батальонов внутренних войск. Так были сформированы Владимирский, Ярославский, Вологодский, Костромской, Вятский, Нижегородский, Тамбовский, Пензенский, Саратовский, Симбирский, Воронежский, Уфимский и Казанский гарнизонные полки.

Во вновь формируемые армейские полки были направлены и воспитанники военно-сиротских отделений: Московского, Владимирского, Нижегородского и Казанского. Это были дети-сироты семей нижних чинов русской армии, которые до совершеннолетия содержались и обучались полностью за казенный счет.

Как свидетельствуют факты, между Военным министерством и местными губернскими властями в процессе формирования новых армейских дивизий, ополчения было немало трений. Так, генерал от инфантерии князь Лобанов-Ростовский оказался не в ладах с нижегородским губернатором, который, несмотря на высочайший указ, не выделил места для сбора новых войск. Поэтому собранных рекрутов даже пришлось перевести в другую, соседнюю с Нижегородской губернию^{xxii}.

Войска, сформированные князем Лобановым-Ростовским поступили на пополнение полевой действующей армии в канун Бородинского сражения. Они были обещаны императором Александром I новому главнокомандующему М. И. Голенищеву-Кутузову перед его убитием в действующую армию в Царево-Займище. Полководец во многом рассчитывал на эти подготовленные армейские резервы. Об этом свидетельствует, в частности, приказ главнокомандующего русской армией № 339 от 2 октября 1812 г. В нем, в частности, говорилось: «...Г. генерал-майору Русанову, сформировавшему прибывшие к армии 6 пехотных полков, в коих люди в столь короткое время довольно доведены до познания службы и из коих значащая часть поступила на укомплектование гвардии, а последние затем с пользою могут употребляться в деле, объявляю полную мою благодарность, распространяя оную и на командующих полками»^{xxiii}.

Однако тот же генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов своими последующими

распоряжениями свидетельствовал и о недостаточной военной готовности полков, сформированных князем Д. И. Лобановым-Ростовским во внутренних российских губерниях. Вне всякого сомнения, вина в этом лежала прежде всего на военном ведомстве, на управляющем департаментом Военного министерства генерал-лейтенанте А. И. Горчакове 1-м, временно заменившем Барклая де Толли.

Главкомандующего полевой действующей армией, внимательно следившего за процессом подготовки пополнения, не могла не обеспокоить профессиональная выучка поступавших резервных войск. Только этим можно объяснить его следующее распоряжение, отданное генералу от инфантерии Д. И. Лобанову-Ростовскому 22 сентября 1812г.: «Следовавшие под командою г. генерал-майора Урусова к Армии из Рязанской губернии 5 полков, сформированные под начальством Вашего сиятельства, так же 9-й и 11-й пехотные полки, сформированные г. генерал-майором Гладковым, по наступившему холодному времени, дабы сохранить людей и к весне иметь хороших солдат к Армии, поручить их под Ваше начальство впредь до распоряжения, предписав генерал-майору князю Урусову обратиться на Тулу и там остановиться впредь до повеления. 11-го полка командиру следовать в Рязань и там остановиться, 9-го полка командиру следовать во Владимир, где и остановиться впредь до повеления. Между тем, всем им заняться обучением людей, оборотам, движениям и целью (прицельной. — А. III.) стрельбою»^{xxiv}.

Этот Кутузовский приказ свидетельствовал о том, что вновь сформированные полки оказались не только слабо обученными, но и плохо обмундированными для начинающего приближаться холодного времени года. Подобных претензий главнокомандующий не высказывал к тем резервистам, которые шли на пополнение армейских полков пехоты и кавалерии, артиллерийских бригад. Объяснялось такое просто: вчерашние рекруты попадали в отлаженные воинские коллективы и как бы «растворялись» в среде бывалых воинов.

Военное ведомство в преддверии Отечественной войны 1812 года и в ходе ее, во время Заграничных походов занималось подготовкой не только армейских резервов. Готовились и кавалерийские резервы, о чем немалую заботу проявлял военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли. В первую очередь это было связано с закупкой лошадей для регулярной кавалерии, которые шли на «ремонтное» конского состава драгунских, кирасирских, гусарских и уланских полков, конно-артиллерийских рот. О состоянии своих коней иррегулярные казачество и национальные воинские формирования заботились сами.

По предложению военного министра созданием кавалерийских резервов занимался генерал от кавалерии А. С. Кологривов. Вместе с ним эту задачу решал и инспектор внутренней стражи граф Е.Ф. Комаровский. Последнему, в частности, императором Александром I было приказано организовать поставку в армию лошадей.

В 1812г. генерал Комаровский закупил 13 тыс. лошадей в Волынской и Подольской губерниях (здесь помещики по высочайшей воле получили право вместо рекрутов «выставлять» лошадей). Подобных послаблений для центральных областей России не делалось. В 1813 г. для полевой действующей армии в Курской, Орловской и других губерниях он же собрал 40 тыс. лошадей. К решению этого серьезного вопроса были привлечены местные командиры внутренней стражи^{xxv}.

О том, насколько важной задачей в годы войны с наполеоновской Францией была заготовка лошадей для полевой действующей армии, можно судить по словам императора Александра I. Царь, ставя 23 августа 1813 г. «государственную» задачу инспектору внутренней стражи (помощнику военного министра), подчеркнул следующее: «...Я хочу возложить на тебя весьма важное поручение... И мы, и неприятель более имеет нужды в лошадях, нежели в людях... Пиши обо всем прямо ко мне»^{xxvi}.

Военное ведомство в 1813—1814 гг. в целом справилось с задачей обеспечения армейской регулярной кавалерии конским составом. Для нее было заготовлено 37810 лошадей, в том числе 5760 кирасирских, 11428 драгунских или конно-егерских, 20622 гусарских или уланских^{xxvii}. Французская армия так и не смогла восстановить численность своей кавалерии после Бородинского сражения, в котором император-полководец потерял больше ее половины.

Генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, как военный министр, много сделал для организации тактической и профессиональной подготовки офицерского состава. В 1812 г.

им было написано и издано «Наставление гг. пехотным офицерам в день сражения». В нем воскрешались лучшие принципы ведения боя суворовской («екатерининской») эпохи: меткая стрельба, решающее значение удара в штыки, целесообразность боевого обучения. Стрелковая цепь с резервами «Наставлением» рекомендовалась как основа боевого порядка пехоты.

Лучшим примером воплощения в жизнь последнего положения «Наставления» стало Бородинское сражение, которое началось с огневого боя русской егерской пехоты, действовавшей в стрелковых цепях. Егерские полки составили утром в день Бородина передовую линию, а вся остальная пехота русской армии, в том числе гвардия, образовали как бы резерв рассыпанных в цепях стрелков. Чтобы заставить их отойти к главным силам и полевым укреплениям, французам пришлось затратить немало усилий и артиллерийского огня. Не случайно егерские полки оказались в числе главных действующих лиц и героев генеральной баталии в ходе Русского похода 1812 года императора французов.

Помимо «Наставления гг. пехотным офицерам в день сражения» Барклай де Толли, для обучения армейских офицеров использовался «Общий опыт тактики». Это тактическое наставление состояло из двух частей: «Опыт начальной тактики» (издан в 1807 г.) и «Опыт высшей тактики» (1810 г.). В них обобщался опыт действий русских войск с конца XVIII столетия. Эти три труда стали основой тактической подготовки командного состава пехоты и кавалерии перед началом Отечественной войны 1812 года.

В 1811 г. был издан «Воинский устав пехотной дивизии», подготовленный специалистами Военного министерства. Он содержал в себе современные взгляды на подготовку и использование пехоты в русской армии. В нем подчеркивалось, что победа в войне достигается только в результате активных боевых действий войск и прежде всего путем наступательных действий. Большое место в уставе было отведено боевой подготовке войск, необходимости их обучения тому, что требовалось на войне. Указывалось на необходимость воспитания у подчиненных самостоятельности, инициативы, высокой моральной стойкости и взаимопомощи в бою.

«Воинский устав пехотной дивизии», чей дух отразился в действиях русской армии в Отечественной войне 1812 года, требовал от пехотных войск и их командного состава: «Не шумом берут неприятеля, но прицельным выстрелом... Нет нужды доказывать, сколь важно и необходимо, чтобы солдаты обучены были целно стрелять. Опыты поучают, что и самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят»^{xxviii}.

Для обучения артиллерийских офицеров наиболее широко использовались изданные в начале 1812 г. «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». Они были составлены генералом Кутайсовым и в полной мере отвечали современным взглядам на боевое применение артиллерии в поле. В своих «Правилах» Кутайсов проводит идею необходимости четкого взаимодействия «бога войны» с другими родами войск (пехотой, кавалерией, военными инженерами) и создания артиллерийского резерва. При этом автор опирался на боевой опыт последних войн, в том числе и антинаполеоновских.

Военным министерством было разработано и издано в 1812г. «Положение для крепостей, на базисе военных действий расположенных». Это было наставление для командования крепостных гарнизонов, которые в ходе войны могли оказаться в зоне боевых действий.

К тому времени относится и такая серьезная работа генерал-квартирмейстера фон Сухтелена, как «Начертание на случай военных ополчений». В ней были изложены соображения относительно мобилизационных планов. Сухтелен в своем труде изложил пять «предложений» с подробным расчетом времени «собрания армий», но «все принадлежащее к сей материи» хранилось «под секретом» в особом опечатанном конверте в канцелярии Военной комиссии. Правда, эти предложения не соотносились с реальной российской действительностью.

Идеи Сухтелена не увидели свет ни при военном министре Барклае де Толли, ни при других главах военного ведомства. Конверт был вскрыт лишь через пятьдесят лет, в декабре 1854г., когда шла Крымская (Восточная) война^{xxix}.

К началу Отечественной войны 1812 года Россия не имела четко разработанного плана ее ведения. Начиная с середины 1810 г. на рассмотрение императора Александра I было представлено несколько докладных записок на сей счет. Одни предлагали наступательные действия (Барклай де Толли, Багратион, Ермолов), другие оборонительные действия (Фуль,

Вольцоген, Волконский). Монарх, по сути дела, принял план прусского генерала-эмигранта Фуля, который рухнул уже в первый месяц войны.

План Фуля предусматривал, что в случае наступления французов самая сильная 1-я Западная армия должна была отходить к реке Западная Двина, к Дрисскому укрепленному лагерю, притягивая к себе неприятеля. 2-я же Западная армия должна была в это время действовать ему во фланг и тыл. Тем самым для наполеоновской армии создавалась обстановка борьбы в полуокружении, что должно было заставить императора французов отступить. Однако события с первых дней войны стали разворачиваться совсем по иному сценарию.

Неизбежность нового военного столкновения с наполеоновской Францией заставила императора Александра I воспользоваться полководческим дарованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли и его богатым боевым опытом. Военный министр России назначается главнокомандующим 1-й Западной армии с сохранением за ним поста главы военного ведомства. Это была дань большим администраторским способностям Барклая де Толли.

В марте 1812 г. военный министр уехал из столицы в действующую армию. 22 марта его временным заместителем был назначен генерал-лейтенант князь Алексей Иванович Горчаков 1-й со званием «управляющего департаментом Военного министерства». Перед этим он был председателем комиссии «для окончания нерешенных дел генерал-аудиториата»^{xxx}.

Прибыв в Вильно, военный министр России представил императору Александру I соображения о переходе русских войск через пограничную реку Неман для последующих наступательных действий против армии Наполеона Бонапарта на польской земле и в Восточной Пруссии. Но этот план Барклая де Толли, как главы военного ведомства, принят не был. Самодержец дал ему в апреле собственноручный ответ: «...Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Посылаю Вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши войска сделают шаг за границу, то война неизбежна... При приезде моем в Вильну окончательно определим дальнейшие действия. Между тем примите меры к тому, чтобы все было готово, и если мы решимся начать войну, чтобы не встретилось остановки»^{xxxi}.

В Вильно глава российского Военного министерства энергично взялся за «устройство» войск. Однако обязанности главнокомандующего действующей армии оказались настолько обременительными, что император Александр I был вынужден уволить генерала от инфантерии М. Б. Барклая-де-Толли «от звания министра». Высочайший указ был подписан 24 августа 1812г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1972. С. 12.

ⁱⁱ Столетие Военного министерства. Т. I: Исторический очерк развития военного управления в России / Сост. Н. А. Данилов. СПб., 1902. С. 203.

ⁱⁱⁱ РГВИА. Ф.1. Оп. 1. Д. 2348.

^{iv} История русской армии и флота. М., 1911. Т. III. С. 88.

^v ПСЗ. Т. XXXI. № 24486.

^{vi} Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1901. Отд. 1. Т. II. С. 10.

^{vii} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2426. Л. 28, 29

^{viii} Столетие Военного министерства. Т. I. С. 206-207.

^{ix} ПСЗ. Т. XXXI. № 24568. П. V. § 24-28. С. 595-597.

^x См.: Штутман С. М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России, 1811-1917. М., 2000.

^{xi} Отечественная война 1812г.: Материалы ВУА. Отд. 1. Т. II. С. 43.

^{xii} Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1905. С. 101.

^{xiii} Русская военная сила: История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. 2-е изд. СПб., 1897. Т. II. С. 318.

^{xiv} Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 85

^{xv} ПСЗ. Т. XXXII. №25051.

-
- ^{xvi} Там же. № 25052.
- ^{xvii} История русской армии и флота. Т. III. С. 88-89.
- ^{xviii} Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 96.
- ^{xix} Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. III. С. 72.
- ^{xx} История русской армии и флота. Т. III. С. 89.
- ^{xxi} РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/188а. Д. 24. Л. 14.
- ^{xxii} См.: Рындзюнский П. Г. Кутузов и русская армия в 1812 году // Труды Государственного исторического музея. М., 1848. Вып. XX. С. 124.
- ^{xxiii} Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 226.
- ^{xxiv} РГВИА. Ф. 125. Оп. 1/188а. Д. 32. Л. 9.
- ^{xxv} Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 132.
- ^{xxvi} Там же. С. 121-122.
- ^{xxvii} Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 82.
- ^{xxviii} Воинский устав пехотной дивизии. СПб., 1811. С. 197.
- ^{xxix} История русской армии и флота. Т. III. С. 91.
- ^{xxx} Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина. СПб., 1996. Т. 2. С. 61
- ^{xxxi} Русский архив. 1892. Кн. I. С. 343.